

М. Печкин

ПЕРВЫЕ СПЕКТАКЛИ СЫЗРАНЦЕВ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ все-таки вещи бывают в театре! Вчера в зале стояла снисходительная тишина, а сегодня, бурно выплескивая эмоции, зрители взволнованно творят вместе с актерами чью-то чужую, но в то же время очень близкую жизнь, радуясь ее радостями и огорчаясь ее неудачами.

— Что же тут удивительного, — скажет читатель. — В первый вечер, наверное, играли плохую пьесу, а на следующий день шла талантливая пьеса.

Да в том-то и заковыка, что в первый вечер шла знаменитая комедия «Мораль пани Дульской», принадлежащая перу выдающейся польской писательницы Габриэлы Запольской, игралось произведение, обобщенные сцены многих театров мира и прославившее имя своего автора, а в другой вечер театр показывал весьма несовершенную пьесу современного советского драматурга Валерия Шаврина «Разбуженная совесть».

— Ну, значить пьеса Запольской поставлена и сыграна плохо, а пьеса Шаврина — хорошо. Опять ничего удивительного нет! — скажет читатель.

Но и на этот раз такое категорическое утверждение, вернее, такое упрощенное объяснение различного зрительского приема этих двух спектаклей — не подойдет. И прежде всего потому, что оба спектакля, уверенно поставленные одним и тем же опытным режиссером А. Ривманом, профессионалы в лучшем смысле этого слова. Нет, тут, как мне кажется, дело сложнее.

Здесь снова перед театром, в который уже раз, возникла серьезная идейно-творческая проблема — классика и современность. Я имею в виду точный выбор произведения в первое, глубокое, современное его сценическое прочтение. И как бы ни была элементарна мысль о том, что одна лишь принадлежность к классике и даже весьма определенная «нацелен-

ность» содержания в сегодняшний день успеха не принесут, ее, к сожалению, приходится повторять вновь. А сызранцы, судя по всему, серьезно рассчитывали именно на содержание «мецанской трагикомедии», как определила Г. Запольская жанр своей пьесы. Но оно не «вывозит» само по себе, несмотря на всю добросовестность постановки.

Почему так случилось?

Прежде всего потому, что произведение не было пересмыслено и, главное, не было «провернуто» той единственно необходимой стороной, которая наиболее близко соприкасалась бы с этическими, нравственными и общественными заботами нашего дня. В спектакле не оказалось ярко подчеркнутой сцены, в которой был бы тот нравственный идеал, ради которого выведены сегодня на сцену герои Г. Запольской с их вчерашними заботами и бедами. Именно это обстоятельство не только помешало раскрыть всю глубину авторского замысла произведения, но даже в какой-то степени затруднило его восприятие и, в конечном счете, ободило его.

— Играли все хорошо, — сказал мне после спектакля один из зрителей... — Но вот содержание слабовато...

И это сказано о произведении, в котором острейший и значительный нравственный конфликт сталкивает и раскрывает ярчайшие, разнообразные человеческие характеры, в котором, по верному определению крупного историка театра и драматурга Б. Ростюцкого, «с убийственным сарказмом и негодованием высмеивает Г. Запольская подлую мораль пани Дульской», одновременно показывая поистине трагическую судьбу тех, кто становится жертвой этой морали».

Но, думается, театру не стоит топиться упрекать этого зрителя в отсталости, а полезнее принять его вывод, как упрек в свой адрес. Единственно с чем, по-моему, не нужно соглашаться, это с утверждением что

«играли все хорошо». Не разбирая многие действительно удачные актерские работы, хочется все-таки заметить, что образ пани Дульской в исполнении Т. Крупенинковой оказался несколько облегченным, близким скорее к внешне комедийному, чем к остро сатирическому и, главное, к трагикомическому разрешению...

ПО ВОЛЕ драматурга спектакль «Разбуженная совесть» начинается с надуманной сцены. Вот авторские ремарки и первые реплики вора-рецидивиста Анатолия Сысола, недавно бежавшего из заключения и добывшего чужой паспорт:

— На станции железнодорожного полотна стоит Анатолий. Он внимательно разглядывает паспорт, повторяя вуду: Михаил Корюлов... Михаил Корюлов... Миша... Мишка... (Усмехается). Корюлов... (Прячет паспорт в карман и стоит задумавшись).

Появляются огни приближающегося поезда, раздаётся взволнованный женский голос: «Эй!.. Эй, парень!.. Эй!»

Поезд уже в нескольких метрах. В самый последний момент на насыпь бегают Зоря. Она толкает Анатолия, и оба катятся вниз. Над их головами проносится поезд».

Жизненной достоверности тут явно не хватает. Зато авторской преданности и заданности — в избытке. И здесь даже самый неуклюжий зритель может смело утверждать, что между Анатолием и Зорей, конечно же, возникнет любовь, и спасение это — «многосообщающее!» Так оно и случится.

К сожалению, и в некоторых других сценах тоже есть досадные натяжки и отягощающие развитие действия длинноты. Но вместе с тем в пьесе есть и такой (пусть не новый!) драматургически интересный поворот, который дает возможность «избитую» тему — переспитание в коллективе — превратить в значительный и страстный диспут о вере в человека, о наших идеалах.

Дело в том, что в бригаде землекопов, куда попадает Анатолий, не знают, кто он такой, а лишь постепенно догадываются, что это человек с тяжким прошлым. И первым, кто через столкновения, порой пинские и не очень острые, понял, разгадал Анатолия, оказался бригадир Федор Галай. Очевидно, именно это обстоятельство и подкажало режиссеру первое решение — выдвинуть на первый план не столько личную судьбу Анатолия, сколько общественное значение такой личности, как личность Федора Галая.

В свою очередь, такое решение позволило вывести общественное, гражданское звучание спектакля за узкие рамки темы пьесы, значительно развить и обогатить его содержание. В этом, собственно, и кроется секрет успеха, который вместе с режиссером по праву делят исполнители многих ролей. И прежде всего исполнители центральных ролей — Ю. Романов (Галай), С. Голубен (Анатолий) и Т. Чернышова (Зоря).

Особенно хочется выделить Ю. Романова, который на наших глазах сотворил чудесное превращение схематически написанного положительного героя, обделенного самостоятельным характером, в живого, полнокровного человека, тяжело переживающего личную драму (он любит Зорю), но не отдающего себя во власть ревности и ристерянности.

Галай — Романов настойчиво и упрямо идет по жизни дорогой нашей правды и ведет за собой не только упорных, но даже и таких надломленных и не верящих ни в бога ни в черта, как Анатолий.

ПОСЛЕ окончания генеральной репетиции спектакля «Разбуженная совесть» в зале вдруг раздались аплодисменты. Это актеры, свободные от спектакля, дружески поддержали тех, кому завтра предстояло открыть новый сезон. В этих аплодисментах послышалась хорошая уверенность коллектива, его горячее стремление

преодолеть тяжелые последствия огорчительных неудач минувшего сезона и вновь завоевать уважение и признание сызранцев.

И о том, что такая уверенность и такое желание коллектива не «пустой» звук аплодисментов, а действительно стремление театра, убедительно показала третья премьера — сценическое воплощение сложной пьесы А. Штейна «Между линиями», в центре которой выведен образ В. И. Ленина.

Новый спектакль, поставленный В. Пориным и оформленный Д. Бруком, с артистом С. Белым в роли В. И. Ленина, заслуживает отдельного разговора. Если говорить коротко — это серьезная идейно-творческая удача театра, и, удача особенно значительная потому, что пришла она в трудную пору, когда коллектив твердо решил покончить с компромиссами и творчестве, покончить с сарказмом, с нетребовательностью, одним словом, покончить с недавним прошлым.

Прошлый сезон сызранцы начали весьма успешно, показали два хороших, горячо принятых зрителями спектакля — «В день свадьбы» и «Пресс-аташе в Токно». А потом... И нынешний сезон вновь успешно открыт, и такие спектакли, как «Разбуженная совесть» и «Между линиями» обнаддеживают очень и очень. А вот что будет «потом», на этот вопрос может ответить только творческий коллектив.

Верится, что ответ будет положительный и мы увидим новые яркие, современные по своему звучанию, спектакли, отмеченные талантом и мастерством актеров, режиссеров, художников...

Вл. МОЛЬКО.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля А. Штейна «Между линиями». В роли В. И. Ленина артист С. БЕЛЫЙ. Подмишова — артист Е. ЮРКОВСКИЙ.

Фото Р. Гутковского.